
ФИЛОСОФИЯ

УДК 101

А.И. Бобков*кандидат философских наук**Иркутский государственный университет**г. Иркутск, Россия**iab71@inbox.ru****С.А. Гальцев****кандидат философских наук**Восточно-Сибирский институт МВД России**г. Иркутск, Россия**gans 1958@mail.ru***РЕЧЬ А.П. ЩАПОВА НА КУРТИНСКОЙ ПАНИХИДЕ
КАК АКТ ТРАНСГРЕССИВНОГО ОПРЕДЕЛЕНИЯ
ЭТНИЧЕСКОЙ СУБЪЕКТНОСТИ*****[Alexander I. Bobkov, Sergey A. Galtsev*****A.P. Shchapov's speech on the Kurtinsky memorial service
as the act of transgressive definition of ethnic subjectivity]**

It is considered the concept of Russian history. A.P. Shchapov made one of the first attempts to denote the existence of the phenomenon of ethnic subjectness in the historical development of Orthodox civilization. It is shown that the existing assessments of philosophical views on the history of A.P. Schapov's contrasting conception of the concept of the Slavophiles does not reflect their interrelation. It is argued that contrary to this concept accepted in history, in fact, they are connected by a philosophical interpretation of the effect of ethnic subjectness in the formation and development of Russian society. This understanding of the philosophy of history by A.P. Shchapov is comprehended through the definition of his main historical action as a thinker – speech at the Kurtinsky funeral service as an act of transgression. The essence of this act is defined as one of the first acts of representation of the connection between ethnic self-awareness and religious experience as a fundamental basis for understanding the originality of the development of Orthodox historical discourse. The importance of the conflict of the ideology of the "Third Rome" and the utopia of "Holy Russia" as two practices of determining the meaning of history is revealed.

Key words: religious experience, ethnic consciousness, Kurtinsky memorial service, social subject, ethnic subjectivity, transgression, sense of history, "the Third Rome", "Sacred Russia".

В рамках философского анализа историософского смысла русского раскола вопрос "Каков смысл истории?" занимает одно из центральных мест. По

философским меркам он составляет методологическое основание для определения наличия социальной субъектности. Он может быть поставлен так: "Кто является субъектом, определяющим смысл социального бытия? Народ или государство? Священная иерархия или духовная община?". Для А.П. Щапова ответ на этот вопрос стал одной из составляющих его понимания смысла истории. Для него не государство создает историю, а народ. Народ через свое этническое самосознание, как вождение смысла истории. Смысла истории, где схватки господина и раба (Гегель) отходят на второй план, обозначаясь как кратковременные исторические патологии, не составляющие ее сущности. И если этот народ восстал, не принял унифицирующего воления патриарха и государя, значит действия государства направлены были на некий разрыв с его этнической субъектностью, на ее непризнание и навязывание господства и рабства. Поэтому нам кажется, более уместным считать А.П. Щапова не только исследователем гражданского общества или демократии в русской истории, но и одним из создателей теории этнической субъектности в России. Именно такое обозначение смысла его исследовательской деятельности дает нам понимание его трудов в Сибири и обозначает целостность его творчества.

В таком определении смысла его творчества следует указать, что А.П. Щапов наследовал идею славянофилов, как первых выразителей идеи этнической субъектности. Скорее всего, его мысль, посвященная когнитивному историческому выражению народа, не могла развиваться иначе. Его интерпретация русского раскола трансгрессивно указывала, что освобождение народа есть не акт монаршей воли, а акт осознания предела этнической бессубъектности, за которым для государства нет ничего укрепляющего его неизблемость. "Третий Рим" в условиях кризиса 1850-х годов осознал предел своей отделенности от народа, но не дал полной самореализации идее Святой Руси. Иерархия уступила народу, но не для его волевого жеста, а лишь для того, чтобы вновь переориентировать интенцию его сознания¹.

¹Для однозначной трактовки выступления А.П. Щапова как трансгрессии сошлемся на следующее определение данное В.А. Подорогой. В статье «Трансгрессия и предел» в «Новой философской энциклопедии» он определяет: «Трансгрессией является всякая сила, которая превосходит предел, установленный ей другими силами (этот предел может быть и внутренним, и внешним). Трансгрессию можно также определить и как эксцесс (избыток или недостаток сил), как особое состояние, приводящее к нарушению нормы, закона или правила. Трансгрессия – это пространство перехода от одного фиксированного состояния к другому, это граница перехода, скользящая черта, указывающая на возможность перехода» [<http://iphlib.ru/greenstone3/library/collection/newphilenc/document/HASH7c4c331d98407f8b24187c> дата обращения 19.09.2016 г.].

Как справедливо отмечает Ю.А. Шестаков: «Кроме того, русский народ, едва сформировавшись, встал во главе православного мира, в качестве обладателя единственного суверенного православного государства. Согласно православной доктрине и принципу «симфонии», спасение народа могло быть лишь коллективным и государственным. Истинные ценности ассоциировались в российском сознании лишь с уникальным православным государством. Приобщение к этим ценностям иных народов было в глазах россиян смыслом существования их Родины» [4, с. 47].

Отсюда следует вопрос: "На какие символы это сознание, по мнению власти, должно было быть сориентировано?". Отнюдь не на те, которые полагали лиминальные практики решения проблем социального развития. Поэтому никакого "Христа среди нас", а лишь тотальная воля барина и государя. Отсюда, скорее всего и жест трансгрессии А.П. Щапова. Он вновь говорит о русском Христе среди нас. Это понимание того, что селективный отбор внелиминального характера приведет власть к очередному кризису, не даст единения интеллектуалам с национальной идеей. Вызовет к жизни миф о том, что народ как субъект отсутствует, ибо не ведает духовности, а значит, любое позитивистское насилие, отмечающее социальные закономерности будет полагаться справедливым.

Своей речью А.П. Щапов обнаруживает противостояние двух идеалов русского мировоззрения, обозначающих два способа определения смысла модернизации русского общества до сих пор. Мы в данном случае рассматриваем утопию «Святой Руси», как выражение смысла этнической субъектности и идею «Третьего Рима» как конечного воплощения идеала русской государственности. А.П. Щапов сделал то, что требовало от него осознание этнической субъектности через утопию. Ее суть заключается, по мнению Л.В. Полякова, в том, что она есть «...напоминание реальной власти о том, что есть вневременный идеал, достичь которого невозможно, но и изменить которому никоим образом нельзя. И опять-таки характерно, что это напоминание было сделано тому царю, легитимность власти которого уже начала вызывать определенные сомнения. Это значит, что к концу XVI в. мы можем зафиксировать эволюционное смещение «московской идеологии» к проблеме легитимации и соответственно вправе ожидать активизации ее утопического двойника» [2, с. 48]. Утопический двойник проявился и в реформе 1861 года, что

позволяет согласиться с Л.В. Поляковым, определяющим его как постоянно присутствующий феномен социального бытия. Именно напоминание власти о том, что отступление от вневременного идеала есть разрыв власти и народа и было великим историософским открытием А.П. Щапова, высказанным после очередного реформаторского насилия над народом, пожелавшим отвергнуть предложенные им границы собственной бессубъектности. В подтверждение наших слов сошлемся на Мишеля Фуко пояснявшего: «Трансгрессия доводит предел до предела его бытия; она будит в нем сознание неминуемого исчезновения, необходимости найти себя в том, что исключается им (точнее говоря, она впервые заставляет его признать себя в этом), необходимости испытания своей позитивной истины в движении самоутраты" [3, с. 117].

Поэтому и речь на Куртинской панихиде была направлена на то, что народ говорит, как выражает свое мнение в трансгрессирующем сопротивлении. Он высказался, и власть, видя, что дворянству нет места над ним, пора прекращать идеологический монолог, в очередной раз прибегла к насилию, заставив вновь не видеть когнитивный уровень этнической субъектности.

Этническое создает и воссоздает этнос. Примиренное с народом православие старообрядческого толка было описано А.П. Щаповым очень скрупулезно. Очевидные признаки воссоединения, а может быть и неразрывной связи постижения харизмы и социальной самобытности субъекта (этноса) открытые славянофилами через постижение Гегеля и встречи с русским старчеством были Щаповым установлены через толкование старообрядческих текстов.

Исследуя «идею Святой Руси» в этнической истории России, А.П. Щапов не мог не испытать некоего преображения собственного мировоззрения, как познающего субъекта, поэтому нам в дальнейшем необходимо применить методологию герменевтики субъекта, скажем, М. Фуко. Толкование поступков высказываний, тем более высказывающихся о смысле бытия народа, нуждается в пристальном внимании философа истории в силу того, что пишущие об историческом самосознании этноса тем более великорусского заранее подозреваются в узости мировоззрения и предвзятости мышления.

Иначе говоря, связанные с этническим самосознанием работы во многом отходят от столь привычной универсальности. И этот отход одними интерпретируется как заблуждение и лишь немногие понимают то, что универсальность имеет иные аспекты измерения и способы методологического ана-

лиза, расширяющие рамки понимания социокультурного бытия человеческих сообществ. Однако привычные аспекты универсальности, от коих намечается отход, также нуждаются в серьезном критическом осмыслении. Причина такой необходимости, на наш взгляд, кроется в том, что философское осмысление может их происхождение связать с нигилизмом.

Через преобразование субъектности исследователя А.П. Щапова следует считать русский раскол событием историсофским, неверно определяемым как примитивное местечковое мракобесие. Миф ничтожности раскола и русского старообрядчества выгоден тем, кто, с одной стороны, позволяет через него репрезентировать малую значимость связи религиозного опыта и этнического самосознания, а с другой, помогает обозначить младенчество православной цивилизации в России и вновь изъять ее как практику определения смысла социально-исторического бытия. Поэтому здесь уместно говорить об очередном несовпадении воли политической элиты с этнической субъектностью. Этнос сопротивлялся власти в отношении ее игнорирования идеи духовной общины, как необходимого начала православного дискурса. Этот бунт русского народа и вызвал изменение в мировоззрении А.П. Щапова, установившего философскую зрелость там, где прозападническая историография усматривала и продолжает усматривать безумство¹. Отсюда, скорее всего, следует его утверждение, что «В России за полтора столетия стали являться среди горько страдавших темных масс народных, среди вас, мужиков, свои христы – демократические конспираторы» [1, с. 328]. Такой жест во многом опередил или предопределил «Легенду о великом инквизиторе» Ф.М. Достоевского и задал параметры «народа в силе», осознающего своего Бога. В этом указании раскрывается подлинная задача русской государственности и патологическое состояние русского государства.

История субъективна и установление рамок свободы и несвободы в ней также субъективно, но народное мировоззрение тем и интересно, что зачастую, увлекаясь суевериями, мы проходим мимо некой социосозидающей традиции, таящейся в некоем обрядовом действии. А его освобождающий характер для нас немыслим. Трансгрессивный акт А.П. Щапова таится в том, что он в этой суеверной повседневности попытался разглядеть свобо-

¹Примечательно, что этот бунт вновь устроил потомок русского жречества «попович». Вообще интересно было бы написать, скажем, не историю русской церкви, а историю русского жречества с его профессиональными константами и его способностью к критически настроенному историсофскому мышлению.

ду воображения. Он пересмотрел границы исторического и социального творчества, указав как можно решить проблему установления очевидной принадлежности истории народу¹.

Духовность – это непринятие схватки устанавливающей господина и раба навсегда, это поиск того, чтобы этой схватки не было, а если бы и была, то необходимо вызвать покаяние господина и смирение раба, не раболепие, а смирение. Смирение в отвлечении от дилеммы «господин-раб», влекущее за собой иное понимание устройства социума. Его первый постулат в том, что рабство оглушает не только раба, вводящего его в состояние объекта, но и господина самого не замечающего как утрата полемики его делает рабом. Не случайно, что после ареста Щапов пишет записку Александру Второму об улучшении русского общества. В этом вновь видится русский раскол с письмами Аввакума Алексею Михайловичу.

Почему наступает потребность в этническом самосознании? Ответ на этот вопрос может быть дан с разных позиций. В нашем случае ответ может быть дан с позиции сопоставления религиозной и этнической картин обусловленные двумя причинами. Первая причина – внешняя, вторая – внутренняя. Внешней причиной может быть названо, например, военное столкновение с иным социокультурным субъектом. Бесспорен тот факт, что этническое самосознание русских было актуализировано после Отечественной войны 1812 года, когда просвещенная Европа предстала в виде субъекта, пытающегося прекратить самобытность русского мира. Человечное лицо Европы стало звериным. Один коллективный субъект вступил в схватку с другим и сам был повержен. Самодостаточная победа вызвала вопрос о том, что субъектное действие в мировой истории свершилось. А благодаря чему? Какие самобытные ценности доказали свою жизнеспособность и как они были сотворены? Трансгрессивный акт прорыва этнической субъектности состоялся. Теперь ожидался жест, указывающий, чем пожертвовали? Какие символы привели к сопротивлению объектному положению? Мировоззрение тогдашнего мыслящего субъекта металось между мистикой, философией Просвещения и масонскими проектами. Все без безмолвствующего народа. И вдруг этот народ вступает в действие. Он начинает обнаруживать себя там, где его не об-

¹Любопытная преамбула: живший в Иркутске известный историк и публицист Н.А.Полевой только обозначил вопреки Н.М. Карамзину императив: «История принадлежит народу», а уроженец нашего региона А.П. Щапов показал справедливость его слов.

наруживал внешний агрессор, возмнивший себя освободителем от нецивилизованного начала некой территории. Он столкнулся не с механической структурой, а с органической целостностью. Народ заговорил через действие, обозначив сразу те смыслы отдельных событий, о значении коих никто не задумывался. Значимыми событиями этнической картины мира предстают события слияния с природой, обнаружение присутствия божественного, социального единения через исчезновение бессмысленных социальных границ.

Действие как единый субъект, не позволяющий чужому стать властителем. Раб не хочет быть рабом, мешая господину быть господином. Это все отражено у Пушкина в его произведениях, например в романе "Дубровский".

Обращение А.П. Щапова на Куртинской панихиде необходимо подвергнуть философскому толкованию в связи с тем, что оно является ярким свидетельством пересмотра границ между государственным интересом и этническим миром в условиях социального кризиса, когда некоторые границы социального действия разрушены, а некоторые установлены без всякого диалога с народом. Нельзя не заметить, что речь содержит несколько социальных адресатов. Она требует разрыва с некими стереотипами восприятия народа и религии, и установления нового поля для диалога между властвующей элитой и народом. В ней таится желание оторваться от интеллигентского сознания народного младенчества, с одной стороны, и упование на социальные закономерности якобы очевидные, с другой. А.П. Щапов – философ истории и социолог одновременно. Для него история не только воля власти по отношению к народу, но и воля к власти над властью. Он социологичен, с одной стороны, но и одновременно аксиологичен, с другой.

Подводя итоги нашего анализа, отметим, что историографическое наследие лишь тогда способно вновь стать действенным фактором научного поиска, когда смысл истории определяется не закончившим свое существование историческим феноменом, а обнаружением этого феномена в современной действительности, как реально действующего. Вот эту истину и хотел донести А.П. Щапов, перейдя предел гегелевского понимания истории, как схватки господина субъекта и раба объекта. Его концепция тотальной исторической субъектности чрез когнитивный характер этноса нуждается в дальнейшем осмыслении. И первый шаг к осмыслению, актуализирующему историческое познание, методологически обозначен нами как поиск истины через трансгрессивные высказывания.

Л И Т Е Р А Т У Р А

1. Конец крепостничества в России (документы, письма, мемуары, статьи). М.: Изд-во МГУ, 1994.
2. *Поляков Л.В.* Путь России в современность: модернизация как деархизация. М.: ИФРАН, 1998.
3. Танатография Эроса: Жорж Батай и французская мысль середины XX века. СПб.: Мифрил, 1994.
4. *Шестаков Ю.А.* Справедливость в контексте аксиологической матрицы российской цивилизации: культурфилософский анализ // Гуманитарные и социальные науки. 2016. № 4.

R E F E R E N C E S

1. The end of serfdom in Russia (documents, letters, memoirs, articles). Moscow: Izd-vo MGU, 1994.
2. *Polyakov L.V.* The way of Russia to the present: modernization as dearchization. Moscow: IFRAN, 1998.
3. Tanatography of Eros: Georges Bataille and French thought of the middle of XX century. St. Petersburg: Mithral, 1994.
4. *Shestakov Yu.A.* Justice in the context of the axiological matrix of Russian civilization: cultural and philosophical analysis // The Humanities and social sciences. 2016. No 4.

11 ноября 2017 г.
